

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

**Аттракцион
невиданной
щедрости**

МОСКВА

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *Е. Анисиной*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Аттракцион невиданной щедрости / Мари-
на Серова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. —
(Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-116560-4

У телохранителя Евгении Охотниковой не вы-
ходит из головы неожиданная встреча с ее знако-
мым, мальчиком по имени Артем Кормухин, ко-
торый утверждает, что стал свидетелем убийства
известного бизнесмена. Даже его родной отец, по-
хоже, не слишком верит в эту историю, о чем и со-
общает Жене, когда сын уходит из дома. Но Женя
склонна думать, что Артем не просто выдумал убий-
ство, чтобы привлечь к себе внимание, — довольно
много фактов сходится в рассказе мальчика. Женя
начинает собственное расследование и обращает-
ся за помощью к своему новому знакомому, Глебу,
которого тетя Мила упорно пытается ей сосватать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-116560-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

— Так и хочешь выпихнуть меня из гнезда, — возмутилась я.

— Конечно, — невозмутимо ответила теть Мила. — Знаешь, как надоело сталкиваться лбами и вечно торчать под дверью ванной комнаты, ожидая своей очереди.

— А как же насчет того, что молодым везде у нас дорога? — вспомнила я.

— Да, но старикам — почет, — парировала она и с гордым видом направилась к холодильнику.

— Старики? — я удивленно осмотрелась по сторонам. — Ау, куда спрятались? Нет тут стариков, тетя Мил. Ты про себя, что ли? Вот когда тебе нужно, то сразу вспоминаешь про возраст. Это низко, тетушка, и некрасиво.

Тетя Мила вернулась к столу с пачкой майонеза в руках. Открыла упаковку. Вздохнула и пожала плечами. Такой жест мог означать что угодно.

— Понимаешь, Жень, — просто сказала она, — тут дело даже не в том, что я поскорее

хочу пристроить твое незамужнее личико, а в том, что парень действительно хороший. Дай банку с горошком. Пообщаться-то с ним можно?

— Где он? — спросила я.

— Скоро придет, сама увидишь, что нормальный.

— Я про горошек.

— Так вот же, перед глазами.

Тетя делала салат, смешивала в миске аккуратно нарезанные ингредиенты, а я, стоя рядом, пыталась разузнать какую-то еще информацию. И, видит бог, я не слишком усердствовала. Пока что.

— Этот салат называется «Свобода», — сделала объявление тетя Мила, выжав остатки майонеза из скрученной упаковки.

— Этот салат называется оливье, — поправила я.

— Нет, «Свобода».

— Нет. Это оливье.

Тетушка раздраженно бросила ложку в миску.

— Отойди, — попросила она. — У меня и без тебя день сломался. Я нервничаю, а ты давишь. Уйди отсюда.

Я знала, какой бывает тетя в те моменты, когда выходит из себя, и тогда из нее летели искры. Но сейчас — не этот случай.

М. Серова

■ В нынешней ситуации она разозлилась по-

настоящему, но без искр. Мне бы прислушаться к ее совету и отойти от греха подальше, но я принципиально стояла на своем и хотела выяснить у тети как можно больше.

— «Свобода» — дурацкое название, — не отставала я. — К тому же, кажется, уже есть салат с таким названием. Назови этот иначе.

— Евгения, — попросила тетя Мила.

— Как скажешь, — согласилась я, устав от собственных придинок. — Есть же торт, который называется «Графские развалины». Никто еще зубы не сломал. Пусть салат будет назван «Евгения».

Тетя Мила почувствовала мое состояние. В какие-то моменты она превращалась в настоящего эмпата, этого было у нее не отнять.

— В нашем доме не так уж часто слышны мужские голоса, — проговорила она и сделала попытку снова начать смешивать содержимое миски с майонезом. — Поэтому предлагаю просто ловить момент. Это мой давний друг, Женя. Старый друг. Не порть нам вечер. И про себя не забудь.

— А откуда он взялся, не напомним? — поинтересовалась я. — Почему я о нем не знала раньше?

Тетя Мила улыбнулась:

— Костя из тех знакомых, с которыми можно не видеться сто лет и не замечать это-

го, а потом при встрече испытать чувство, будто и не было расставания, — объяснила она.

— Это называется равнодушие, тетя Мил.

Я достала из банки соленый огурец и откусила хрустящий хвостик.

— Это не равнодушие, Женя. Таких людей называют «своими».

От огурца быстро ничего не осталось. Я полезла в банку за вторым.

— Ну, хорошо, хорошо. Пусть он «свой», — кивнула я. — Но почему вдруг он в гости-то придет? Есть причина?

Тетя Мила в очередной раз яростно вонзила ложку в салат и вдруг остановилась.

— Да ты знаешь, — задумчиво произнесла она, — мы давно планировали.

— Чего?

Удивлению моему не было предела. Тетушка состояла в длительных романтических отношениях? Вот это поворот. Разумеется, она имела право закрутить роман, а если повезет, то и несколько, но меня смущало другое — все время, пока она крутила со своим Костей, она молчала, как партизан.

— Ты посолить забыла, — вспомнила я.

— Не забыла.

И она снова принялась за салат.

Я смотрела не тетю Милу и чувствовала, как меня начинает накрывать чувство вины.

Оно зародилось где-то в районе солнечного сплетения и поползло вверх, поближе к горлу, а там ведь уже и до мозга недалеко. Такими темпами и до слез докатиться можно.

Тетя Мила всегда была очень симпатичной, даже сейчас, будучи уже, увы, немолодой. Я наблюдала за тем, как тетя талантливо делает вид, что ей наплевать на мои подколы, и вдруг поняла, что переборщила. Сначала опозорила ее идею с названием салата. Потом с сарказмом отреагировала на сообщение о каком-то мужике, который, оказывается, является для нее близким другом.

Решив, что вела себя неправильно и уже достаточно потрепала нервы родной душе, я пошла в комнату и упала на диван. Наряжаться не было желания. Пусть видят меня такой, какая есть: в футболке, с прической лондонской проститутки времен Джека-потрошителя, с потухшим взглядом, не выпавшую, злую и готовую убивать. И все-таки почему тетя ничего мне не рассказала?

— Женья! — донеслось из кухни. — Помоги, пожалуйста.

Я закрыла глаза. Нет уж, тетя Мил, давай сама. А меня дома нет.

С кухни донесся громкий звук, словно на пол упало что-то металлическое и, кажется, пустое, и я тут же сменила гнев на милость, потому что тетя никак не прокомментировала

ла случившееся. Ни охов, ни вскриков, ни причитаний. Опасно такое молчание.

То, что я увидела на кухне, меня огорчило. Миска, в которой только что находилась «Евгения», лежала на полу, а ее содержимое покрывало огромную часть пола. Тетя Мила стояла над этой трагедией и молча разглядывала последствия катастрофы.

— Не понимаю, как же так случилось, — растерянно пробормотала она. — Не удержала, что ли...

— Я уберу.

Через пять минут на полу не осталось ни следа от безобразия. Тетушка тихонько сидела в уголке и наблюдала за тем, как я орудную шваброй.

— Это ужасно, — наконец произнесла она. — Наверное, рука соскользнула. Ты знаешь, у этой миски очень хилая основа. Доннышко совсем крохотное. Вот и не удержала, а она, возьми, да и грохнись.

— Наверняка так и было, — согласилась я, завершив уборку. — А теперь вот что. Я тебе сделаю чашку чая, а потом себе тоже сделаю. Мы отдохнем, а потом что-нибудь придумаем, хорошо?

— Гости будут совсем скоро, — не согласилась тетя Мила. — Времени в обрез. Салат, Женя! Я не успею приготовить новый до прихода гостей.

— Из миски не все вывалилось, — успокоила я ее. — Осталось достаточно, чтобы накормить пришедших. Аккуратно соберем с пола верхушку, кинем эти остатки в салатницу, украсим помидоркой и поставим в центр стола. Никто и не заметит, что там на всех не хватит. Так что, все-таки чай? Или вина? Ты же купила две бутылки вина. Может, накалим?

— Не успеем, — деловито сказала тетя Мила.

Мне вдруг стало ее очень жалко. Зачем мне, спрашивается, надо было доводить родного человека до состояния нервного истощения? Конечно, тетя волновалась, ведь на то были причины. Друг, которого она так ожидала в гости, решил притащить с собой взрослого сына. Вопрос только — зачем? Хотел познакомить сына с подругой? Но что за резон небритому детине торчать за столом рядом с немолодыми людьми? Я бы поняла, если тетя Мила хотя бы предупредила меня об этом заранее, но она решила устроить мне «сюрприз». В виде молодого человека. Этакий плохо прикрытый намек на то, что мне все-таки пора под венец. Эх, тетя Мила.

Досада, вспыхнув напоследок, пропала, но осадок в душе остался. Ставя перед тетей чай, я все еще боролась с желанием поднять темы сватовства, эмоционального насилия, психологического давления и напомнить

дражайшей родственнице, что ее желание отделаться от меня, отдав первому встречному, сильно утомило за эти годы. Насильно мил не будешь, даже если с кем-то рай и в шалаше. Встречу своего единственного — и поговорим. Все буду решать сама. Надоело.

— Его сын в Тарасове пробудет всего неделю, — извиняющимся тоном произнесла тетя Мила. — Дел у него здесь нет, поэтому решил вместе с папой отправиться в гости. Костина жена давно умерла, он сына воспитывал один. А я и не знала.

— Да пусть приходят, — махнула я рукой. — Мне-то что за дело до него?

Тетя Мила поднесла чашку к губам и, прищурившись, сделала глоток горячего чая. И я могу поклясться, что увидела на ее лице едва заметную торжествующую улыбку.

* * *

Называть тетиного друга Костей, разумеется, я не могла. Да и внешне он не располагал к фамильярности.

— Как к вам обращаться? — поинтересовалась я после того, как он попросил называть его Константином, и честно добавила: — По имени не смогу.

— Константин Глебович, — решил гость. — Как вам такой вариант? Не слишком длинно?

— Не слишком.

Его сына звали Глеб, и выглядел он моим ровесником. Если честно, я не очень понимаю тенденцию, когда родители дают сыну имена их деда по отцовской линии. Это, конечно, оригинально, ведь таким образом имя и отчество повторяются через поколение, но если проворачивать такую фишку постоянно, то скоро можно запутаться в родственных статусах и кровных узах. Дед и внук оказываются полными тезками. Говоришь об одном, а все думают, что ты про другого. Со стороны это всегда выглядит забавно. Я спорить не буду. Да и в конце концов, имя — дело десятое. Важен сам человек, а с путаницей можно легко справиться.

Так вот, сын Константина Глебовича выглядел моим ровесником и носил имя Глеб. А еще он оказался довольно-таки симпатичным мужчиной с прекрасными, как позже выяснилось, манерами и заразительным смехом. Но прежде чем потерять голову, я все же задала себе вопрос: какого лешего такой мужик тусуется со своим отцом, а не проводит время в компании себе подобных? Тетя Мила сказала, что все свои дела в Тарасове он закончил, поэтому решил сопроводить отца в гости к подруге. Но что за интерес присутствовать при их встрече лично — этот момент для меня остался загадкой.

Константин Глебович протянул тете Миле великолепный огромный букет лилий с множеством зеленых веток аспарагуса. Внешне букет выглядел дорого и тянул тысяч на десять.

Тетя Мила приняла цветы из рук Константина и картинно согнулась под его тяжестью.

— Там кирпичи внутри, да? — кокетливо поинтересовалась она у старого друга.

Ее шутку Константин подхватил сразу же.

— Пачки денег, моя дорогая, — прогудел он низким голосом и полез к ней обниматься. — Или золотые слитки.

— А мне уже не тяжело, — успокоила его тетя. — Женя, поставишь цветы?

Да уж, он действительно старый друг. Старее не бывает. Непонятно только, почему тетя Мила о нем никогда не упоминала. Хотя о чем это я? Возможно, ей просто хотелось побольше с ним пообщаться, когда выдавалась возможность. А время, проведенное вместе, уже никогда не забудется.

Глеб выступил из-за спины отца уже после сцены с букетом. Увидев меня, тут же представился и попросил проводить его на кухню.

— Тут у нас кое-что есть, — показал он мне тяжелую дорожную сумку, когда мы остались в коридоре одни.

— Самогон принесли? — деловито осведомилась я, пытаясь заглянуть в сумку.

— Не совсем, — уклончиво ответил Глеб, — хотя могли бы. Но нет, не та компания.

— Отчего же не та?

Глеб улыбнулся.

— Где тут у вас кухня?

Он заглянул за мое плечо.

— А, все, вижу.

Через несколько секунд из сумки было извлечено самое настоящее богатство. Именно так бы охарактеризовала тетя Мила то, что оказалось на столе. Несколько трехлитровых банок с солеными огурцами, лечо и сливовым компотом. Еще были тара поменьше с багровой, как морской закат, аджикой, кулек с антоновскими яблоками, пакет с картошкой, канистра с молоком, тюрик с чесноком. И грибы. Много грибов с липкими шляпками, на которых темнели сосновые иглы и уснувшие по осени травинки.

— Мать моя, — не выдержала я. — Это, если я правильно понимаю, плоды тяжелого фермерского труда?

— Именно так.

— Папиных рук дело?

Глеб аккуратно сложил опустевшую сумку.

— Отец живет на даче с весны до первого снега, — пояснил он. — Из всего этого, — он